

„И снова крылья за спиной...“

Она врывается на сцену раздраженной, ворчливой, негодующей — экономка и кухарка Огудаловых. В доме лишнего рубля нет, невеста — бесприданница, а гостям — господам обед подавай. Крутись — выкручивайся. Бросить бы все — и куда глаза глядят, да куда денешься: и годы, и привычка, и душа болит, что без ее догляда все прахом пойдет... Вывисала, что думала, — и опять в заботах и хлопотах...

В Омском драматическом театре идут репетиции пьесы Островского «Бесприданница». У Елизаветы Николаевны Романенко, недавно удостоенной звания заслуженной артистки РСФСР эта маленькая роль — текста всего на страничку...

просто складывалось в вашей судьбе?

— Счастье — это прежде всего любимая работа. Дом, в котором мне хорошо. Дочка. Это мой театр, где меня понимают. У меня он — единственный, а путь к мечте был сложный. Так что правду в народе говорят: то дорого, за что дорогой ценой заплачено. Жизнь меня не баловала, я рано осталась одна. Пошла на завод работать, была, как все заводские девчонки. После смены — в новый Дворец культуры моторостроителей. Я все пробовала — петь, читать стихи, но больше всего, конечно, любила заниматься в драматическом коллективе. Там меня и пригласили Таисия Ивановна Найденова и Спартак Васильевич Мишулин.

— И переманили в профессиональный театр?

Попробовать себя! Попытаться! В студию при театре набирала молодежь, а мне было уже двадцать четыре года. На заводе получала старыми деньгами 1100 рублей, а здесь стипендия — четыреста. Многие не выдержали — бросили учебу, а я ночами на заводе, днем — в студии, и никто не догадался, чего мне стоил мой энтузиазм. Что деньги! Не из-за них были переживания. Думала, вдруг ничего во мне нет? А я уже без театра не мыслила своей жизни.

— Вашей дипломной работой была роль Филлицы в пьесе Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» и сейчас снова Островский...

— Но между ними четверть века. Я уже другая, и отношение к прежним сыгранным ролям критическое. И к той себе — критическое. Сколько было поводов, чтобы закомплексоваться! Сколько советов, звучавших порою так обидно, пришло слышать: некрасива, не так одета, не та косметика, не так говоришь, мало читаешь... И я благодарна моим коллегам за эти... обидные слова, за то, что столько лет театр воспитывает меня, предъявляя более высокие требования. Ведь роль — это как конец той ниточки, которая ведет к хо-

рошим книгам, к правдивым, честным, искренним характеристикам людей, на которых порой смотрят свысока, а у них за плечами такие университеты, такая великая забота о земле, о хлебе, о корнях, устоях нашей России...

— Елизавета Николаевна, а если бы не было того счастливого случая и Вы бы не стали профессиональной актрисой...

— Я бы все равно играла в спектаклях народного театра, может быть, своего, заводского, где сохраняются до сих пор такие традиции, как верность классике, доверие актеру...

— Вы считаете, что доверие актеру — необходимым условием его хорошего сценического самочувствия?

— Да. Но, конечно, при умной, талантливой режиссуре. Я знаю на собственном опыте: нет в театре такого режиссера — нет актерских удач. Мне было интересно работать с Хигеровичем, Киржнером, мне кажется, что у нас сложилось творческое взаимопонимание с Артуром Юзефовичем Хайкиным.

— Есть роли особенно дорогие у каждого актера, наверное, есть они и у Вас?

— Жизнь идет вперед, и зачем сегодня вспоминать мои прежние, как я теперь думаю, такие несовершенные работы. Мои рабочие будни — это вечера, когда я выхожу на сцену Надей в спектакле «Любовь и голуби», Варварой в «Последнем сроке», Ниной Ивановой в «Ретро...» Вот теперь живу в ожидании премьеры «Бесприданницы».

— Разрешите мне поздравить Вас с высоким званием заслуженной артистки республики! Его и в самом деле заслужить надо!

— Стараюсь... Я человек трудолюбивый. Знаете, что более всего меня в эти дни порадовало? У меня много друзей и не только в театре, которые искренне разделили мою радость. Мне кажется, что я снова ощущаю за спиной крылья, как тогда, когда переступила порог театра...

— Желаю Вам творческих успехов, счастья в доме! Благодарю за беседу.

Беседу вел В. ЛУГОВСКАЯ.
Фото С. Сапоцкого.

— В хорошей пьесе любая роль редуется, — говорит она, успокаиваясь и становясь милой, доброй Лилей, как все ее зовут в театре.

— Мне кажется, я нащупала что-то в судьбе моей героини, знаю, с чем прийти на репетицию завтра... Интересно работать!

— Елизавета Николаевна, вот Вы чаще играете роли... не главные. Как правило, драматурги не прописывают их детально...

— Доверяют, наверное, нам, актерам, самим придумывать судьбы, характеры.

— И какие же характеры Вам ближе?

— Я родилась и выросла в Искилькуле. По душе мне сельский уклад жизни и даже в городском своем быту сохраняю

верность многим деревенским привычкам. Наверное, потому ближе характеры женщин простых — деревенских, фабричных, тертых жизнью, умудренных опытом добрых по своей сути. И когда есть возможность мне, актрисе, что-то поведать о них, разве важно, сколько минут отведено твоей роли — пять, десять, двадцать? Вот и приходится иной раз... «на ходу прыгать в поезд», — выходить на сцену и заставлять зрителя всмотреться в моих героинь — как они живут, счастливы ли, что у каждой за душой...

— Но в спектакле «Любовь и голуби» Вам представлена возможность успешного рассказа о Наде... Главная роль...

— Спектакль уже живет, а я

не считаю свою работу над ролью завершенной. Наоборот, только сейчас поняла, какая она, моя Надя. Знаете, так бывает часто: сложилась семья, дети, хозяйство, заботы — день привычно уходит за днем, и думаешь, что так будет всегда. И только когда Надя осознает, что теряет мужа, всю жизнь как бы заново просматривает и видит, что из нее ушло слово «любовь», а без любви, очищающей, надежной, возвышающей над повседневностью буден, нет полного женского счастья. И Надина душа пробуждается вновь... Мне бы хотелось, чтобы она была счастлива...

— Вы называете себя счастливым человеком, разве все